

Post-Communist Russia: Emerging Political Forces And Their Coalition Patterns*

Yuri Fedorov and Andrei Melville

Формирование новых политических сил и динамику их коалиций в посткоммунистической России нельзя понять по прямой аналогии с политическими процессами, характерными для других стран, в том числе для <классических> (латиноамериканских и южноевропейских случаев становления демократических режимов. То, что происходит сегодня в России, никак не укладывается не только в саму схему перехода от авторитаризма к демократии, но и в традиционные категории <либерализма> и <консерватизма>, <левых> и <правых> и т.п.

Уяснение сути процессов формирования и динамики политических сил и их коалиций в России на нынешнем витке её исторических обстоятельств и социальных условий, в которых происходят эти процессы, культурных, национальных и иных традиций, влияющих на них, словом — всего того уникального контекста, который и формирует сегодняшнюю российскую политику.

I. Transition or transformation?

С выдвижением в фокус современной политической жизни и политического анализа новой совокупности проблем, связанных с процессами <перестройки> и политических исследователей стала получать распространение точка зрения, согласно которой содержанием этих перемен является <переход> (transition) от <тоталитаризма> к <демократии>.

При этом утверждается, что осуществить этот переход можно лишь через

---

* 이 논문은 서울대학교 러시아 연구소 대우연구비의 지원을 받은 연구인.

промежуточный этап авторитарного политического режима, который призван заложить основы рыночной экономики и создать предпосылки для развития гражданского общества. Едва ли не хрестоматийными в этом отношении (по крайней мере в России) стали работы Андраника Миграняна, повторяющего, что лишь <железная рука> просвещенного авторитаризма способна навязать <сверху> разлагающемуся тоталитарному обществу необходимые рыночные реформы, которые в конечном счёте должны привести к необратимым изменениям его социальной структуры, на основе которой в свою очередь только и смогут сформироваться прочные демократические институты¹.

Может создаться впечатление, что как раз в этом пункте эта концепция соприкасается со взглядами тех западных авторов, которые на основе анализа закономерностей современной политической динамики в ряде стран Латинской Америки и Южной Европы разработали теорию демократизации, понимаемой как переход от авторитаризма к демократии². В самом деле, хотя теория перехода от тоталитаризма — через авторитаризм — к демократии и признает, что исходный пункт посткоммунистической политической динамики иной — тоталитарный или разлагающийся посттоталитарный режим, содержание промежуточного авторитарного заключительного демократического этапов <перехода> её сторонниками трактуется по прямой аналогии с процессами, имевшими место в некоторых латиноамериканских и южноевропейских странах.

Иными словами, теория <перехода> от тоталитаризма — через авторитаризм — к демократии предполагает, что период авторитарного правления будет по своему содержанию <прорыночным> и <прокапиталистическим>, а заключительная демократическая фаза приведёт к формированию и закреплению институтов, соответствующих политической традиции западной демократии.

1) А. Мигранян. "Долгий путь к европейскому дому". — *Новый мир*, 1989, No. 7; И. Клякин и А. Мигранян. Нужна <<железная рука>>? — *Литературная газета*, 16 августа 1989 г.; А. Мигранян. "Авторитарный режим в России". — *Независимая газета*, 4 ноября 1993 г.

2) Guillermo O'Donnell and Philippe Schmitter. *Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies* (Johns Hopkins University Press, 1986); Larry Diamond, Juan J. Linz and Seymour Martin Lipset. *Democracy in Developing Countries* (Lynne Rienner, 1989); Alfred Stepan (Ed.). *Democratizing Brazil: Problems of Transition and Consolidation* (Oxford University Press, 1989); Giuseppe Di Palma. *To Craft Democracies: An Essay on Democratic Transitions* (University of Berkeley Press, 1990) и др.

Сторонники теории <перехода> от тоталитаризма — через авторитаризм — к демократии есть как в России, так и на Западе. Так, некоторые западные исследователи, совершенно справедливо усматривая различия в исходных пунктах, целях и общей динамике посткоммунистических преобразований в бывшем Советском Союзе, с одной стороны, и перехода от авторитаризма к демократии в Латинской Америке и Южной Европе — с другой, тем не менее рассматривает первые "as a subcategory of a more genetic phenomenon of transition from authoritarian rule"³. Эти же прямые аналогии встречаются сегодня и в работах российских авторов, которые считают, что исторические уроки перехода от авторитарных режимов к демократии в полной мере приложимы и к российской посткоммунистической действительности⁴.

С нашей точки зрения, по своей сути теория <перехода> от тоталитаризма к демократии через фазу авторитаризма утверждает политической истории. В самом деле, независимо от особенностей (социальных, исторических, культурно-религиозных и др.) исходного пункта, конечный результат <перехода> считается предопределенным — это достижение демократии, понимаемой в духе западной политической традиции. При этом а priori предполагается, что авторитарная фаза призвана выполнить одну определенную функцию — закрепить в реформируемом <сверху> обществе рыночные отношения и классический <дух капитализма>.

В этой теоретической схеме многое представляется спорным. Дело прежде всего в том, что политические процессы, которые мы в состоянии наблюдать и которые сегодня происходят в постсоветском политическом пространстве, равно как и в политической жизни многих бывших стран социализма, способны по крайней мере заронить серьезные сомнения в однозначной заданности направления <перехода> и неизбежности достижения его предполагаемой конечной точки. Так, в большинстве посткоммунистических стран Восточной Европы авторитарная фаза, по видимому, не возникает.

Проведение политических аналогий — дело, конечно, соблазнительное, однако требующее не забывать и о конкретных обстоятельствах и традициях истории, культуры, общества. В частности, применительно к политической динамике

---

3) Russel Bova. *Political Dynamics of the Post-Communist Transition* (World Politics, October 1991), p. 113.

4) Д. Фадеев. "От авторитаризма к демократии: закономерности переходного периода" (Полис, 1992, No. 1-2).

российского посткоммунизма, мы имеем дело с весьма специфическим, если не сказать уникальным, процессом разложения и распада тотальной советской системы и болезненным процессом вызревания новых общественных отношений, не укладывающихся в привычные категории тоталитаризма, авторитаризма и демократии. Более того, этот процесс, судя по всему, охватывает непредсказуемо длительный исторический период и подчиняется все ещё непознанным политическим закономерностям со значительными элементами случайности и неопределенности⁵⁾.

Иными словами, в политическом уравнении российского посткоммунизма есть слишком много неизвестных величин, чтобы решать его по прямой аналогии с тем, что происходило в своё время в Аргентине и Бразилии или Испании и Португалии. Именно поэтому речь, скорее, должна идти не о каком-то определенном политическом <переходе> с чёткими отправным и конечным пунктами движения, а о длительной трансформации конкретного общественного организма, динамика которой определяется сложным сочетанием и взаимодействием сил и тенденций и результат которой отнюдь не предопределен. Короче говоря, из лабиринтов советского коммунизма есть много <выходов>, и демократия – лишь один из возможных.

II. Некоторые особенности становления посткоммунистической российской политики

Среди тех, кто сегодня занимается советскими и <постсоветскими> исследованиями, выработались два, по сути дела, полярных взгляда на причины распада советской коммунистической системы, одни авторы склоняются к абстрактно <эссенциалистскому> истолкования причин распада советской общественной системы и государственности как обреченных на это изначально и по самой своей <природе>⁶⁾. Другие видят в этом следствие конкретных

---

5) На эту неопределенность обращает внимание Валери Банс (В. Банс. "Элементы неопределенности в переходный период". – *Полис*, 1993, No. 1).

6) Характерным примером этой точки зрения могут служить последние работа Мартина Мэлья (M. Makia. "Leninist Endgame", *Daedalus*, 1992, N 121; M. Malia. "From Under the Rubble, What?", *Problems of Communism*, 1992, No. XL1).

проблем, порожденных отдельными аспектами советской системы. С этой точки зрения, распад советской системы является непредвиденным, а главное — недетерминированным самой её <природой> результатом как независимого от субъективных установок социально-экономического развития, так и вполне определенных, и в этом смысле субъективных, политических решений периода <перестройки>⁷⁾.

Как бы то ни было, наследие, оставленное советским прошлым, предоставляет весьма скудную экономическую, социальную, политическую и идейную базу для органического роста и вызревания или осознанного строительства и формирования новых общественных отношений. В отличие от упоминавшихся выше <классических> случаев перехода от авторитаризма к демократии, применительно к постсоветской реальности речь идет не о смене политического режима и реформировании политической системы, а о самом глубоком преобразовании всей совокупности общественных отношений, причём, в условиях, когда основные элементы какого бы то ни было существенного развития, а во многих отношениях и вовсе отсутствовали⁸⁾.

Одна из фундаментальных трудностей на пути становления институтов и процедур политической демократии в посткоммунистической России связана с отсутствием адекватной ей социально-экономической структуры и базы, а именно — оформленной <горизонтальной> системы независимых социально-экономических групп и представляемых ими интересов.

Для российской и советской истории вообще была всегда характерна почти полная подчиненность социальных групп, классов и слоев <вертикали> патерналистской государственной власти. Фактически, государство в России и в

---

7) Как пишет Александр Даллин, "what we see in the Soviet collapse is the product of unintended results, both of socioeconomic development and of earlier policy choices" (A. Dallin. "Causes of the Collapse of the USSR", *Post-Soviet Affairs*, 1992, vol. 8, No. 4, p. 281).

8) По словам Игоря Клямкина, <<главная особенность посткоммунистической демократии в том, что представительные парламентские органы возникают и начинают действовать при отсутствии современной рыночной экономики и гражданского общества, т.е. при отсутствии сколько-нибудь развитой и расчлененной структуры экономических и социально-политических интересов и соответствующих им организаций>> (И. Клямкин, "Посткоммунистическая демократия и ее исторические особенности в России", *Полис*, 1993, No. 2, стр. 9).

СССР создавало общество <сверху> (а не наоборот). Социальные группы возникали как продукт государственного администрирования, а не как артикуляция проявившихся экономических и социальных интересов.

Крах коммунизма и распад советской государственной системы оставляют <победителей> наедине с <плоским ландшафтом> (если воспользоваться образом Х.Линца и А.Степана) гражданского общества. По сути дела, можно говорить только об отдельных фрагментах гражданского общества, находящегося в эмбриональном состоянии и все ещё не способного оказывать достаточного влияния на ход политических процессов⁹. Более того, социальные последствия разрушительных экономических процессов, обрушившихся на посткоммунистическую Россию после распада СССР и <спонтанных> попыток движения к рынку, привели к размыванию и того эмбрионального среднего социального слоя (<старого среднего класса>), который начал формироваться в советском обществе в 60-70-х гг. и который в принципе мог бы стать базой для формирования новых политических сил и развития демократических институтов. В результате вымывания средних слоев общество оказалось расколотым на два (типичных для стран <третьего мира>) полюса — расширяющуюся зону нищеты и узкую прослойку богатства — с социально аморфной стихией между ними.

аморфные социальные группы с расплывчатыми и плохо осознанными и артикулированными интересами, причём, постоянно находящиеся под пристальным патерналистским контролем государственной <вертикали>, естественно, не представляют собой адекватную базу для формирования и взаимодействия политических сил. Как правильно отмечает Ю.Игрицкий, <формирование самоосознающих себя и саморазвивающихся классов, слоев и профессиональных групп со своими кодексами поведения — не менее важная задача для российского государства и общества, чем образование партий и элит. Даже более важная: не будет таких классов, слоев, групп — не будет цивилизованных партий и элит>¹⁰.

9) A. Melville. *An Emerging Civic Culture? Ideology, Public Attitudes, and Political Culture in the Early 1990s, Public Opinion and Regime Change, the New Politics of Post-Soviet Societies*, Ed. by A.Miller, W. Reisinger and V. Hesli (Westview Press, 1993).

10) Ю. Игрицкий. "Между безумием лоплена и алчностью нуворива", Независимая газета, 2 ноября 1993 г.

К сказанному можно добавить и такую крупность на пути формирования развитой системы политических сил (а в конечном счёте и институтов демократии) в посткоммунистической России, как отсутствие взаимного подкрепления между преобразованиями в политической и экономической областях. Дело в том, что, с одной стороны, политические силы, институты и процедуры, соответствующие демократическим нормам, не получают сегодня подкрепления со стороны сколько-нибудь развитой рыночной экономики а с другой — элементы новых рыночных отношений вынуждены развиваться в обстановке унаследованного от заключительных этапов <перестройки> властного вакуума, отсутствия стабильных вертикальных и горизонтальных структур политической власти.

Властный вакуум, унаследованный от <эпохи Горбачева> и усугубленный дезинтеграционными процессами во всех областях общественной жизни после 1991 г., создал особенно неблагоприятный контекст для становления и нормального функционирования новых политических сил и строительства новых политических институтов. фактически, возглавленная Б.Ельциным радикальная оппозиция горбачевскому режиму, оказалась крайне плохо подготовленной как в организационном, так и идейном отношении к тому, чтобы принять <упавшую> ей в руки в августе 1991 г. власть. Тем более, она оказалась не готовой к тому, чтобы эту власть употребить в соответствии с декларированными <демократическими> целями. Тому причины, прежде всего, в особенностях становления и развития самой посткоммунистической демократии в России.

В данном случае одним из решающих обстоятельств явилась её <родословная>. Дело прежде всего в том, что многие из тех, кого сегодня называют <демократами> в российской политике, во многих ключевых отношениях представляют собой продукт коммунистического реформизма и связаны с отвергнутой ими советской системой многими незримиы (а иногда и очевидными) узлами. Они, в отличие от диссидентов 60-70 х гг., были порождены внутри системы ею самой, точнее, тем её сегментом, который к середине 80-х гг. пришёл к выводу о необходимости частичной и поэтапной либерализации ради сохранения самой системы и выдвинул соответствующие лозунги и установки. Как раз поэтому в социально-психологическом плане изначальную основу демократического движения, родившегося в атмосфере <перестройки>, составили не диссидентские традиции оппозиционного сопротивления режиму, а в значительной мере конформизм и ориентация на карьеру в новых

складывающихся условиях.

То, что это санкционированное <сверху> движение в конечном счёте вошло в реальное противостояние с властью коммунистов-реформаторов, объясняется стечением многих обстоятельств, и в том числе институционализацией расходящихся в противоположные стороны политических полюсов в ситуации обвала политического центра и безуспешных попыток центриста-Горбачева лавировать между ними. В этот момент и происходит примечательная идеологическая метаморфоза — демократия начинает отождествляться с антикоммунизмом, т.е. с сугубо негативной программой уничтожения советской системы и коммунизма в целом. Поэтому и успешная реализация этой негативной программы оставляет <демократов>, хотя и победителями, взявшими в свои руки государственную в символ веры тех, кто ещё совсем недавно занимался их ниспровержением¹¹⁾.

Следует заметить, что на особенностях формирующейся в этих условиях в России посткоммунистической политики сказывается действие ещё двух немаловажных обстоятельств. Во-первых, происшедшая после августа 1991 г. смена власти дает реальный и мощный толчок радикальным преобразованиям в различных областях общественной жизни и политики, который в свою очередь порожден вполне сознательными волевыми тем, импульс и вектор осуществляемым преобразованиям был задан изначально волевым порядком и по сути дела <сверху - вниз> (т.е., собственно говоря, именно тем способом, каким реформы всегда и осуществлялись в российской истории).

В отличие от <эпохи Горбачева>, реформы стали осуществляться куда более решительно. Однако - и это в данном случае для нас крайне важно — сам тип подхода к реформам остался и при новой власти по сути дела все тем же традиционным аппаратным администрированием. В свою очередь это <родимое пятно> не могло не сказаться как на результатах реформ, так и на самой российской политике. Далее, что может быть ещё более важным, в элитарных слоях возникли глубокие разногласия рыночного типа.

По сути дела, уже к середине 1992 г. достаточно четко выявляется

---

11) <<Демократическое движение было рождено государством, а не обществом, и государством в конце концов обернулось. Оно выполнило свою миссию, уничтожив тоталитарную власть и после этого перестало существовать как движение. Реально оно только ипостаси нового государства.>> (В. Пастухов. "Российское демократическое движение: путь к власти", Подис, 1992, № 1-2, стр. 15).

исчерпанность <верхушечного>, аппаратного реформизма, пусть даже преследующего радикальные цели, но отстающего в целом в рамках традиционной российско-советской парадигмы иерархических властных отношений¹²⁾. С этого момента, по всей видимости, можно говорить о <политическом истощении> президента Б.Ельцина, об исчерпанности команды сколько-нибудь развернутой системы новых и альтернативных политических целей и приоритетов. Россия начинает <вползать> в <постельциновскую эпоху> при формально находящимся на вершине власти, но фактически безинициативном президенте. Последний все более озабочен сохранением своей решающей роли в политической системе, а не разработкой стратегического курса общественных преобразований.

Развивающееся в этом общем политическом контексте самцельное и ставшее самостоятельным противоборство двух ветвей власти — президентской, исполнительной и парламентской, законодательной — хотя и находящихся в непримиримом конфликте, но в целом оперирующих в рамках одной и той же властно-иерархической парадигмы, привело не только к усилению унаследованного от <перестречного> периода общего паралича власти в стране, но и к росту недоверия и дискредитации власти как таковой и росту политической апатии большинства населения. Как совершенно справедливо заметила в этой связи Л.Шевцова, <исток разрушительных для России тенденций не в том, что мы имеем <два типа власти>, а в том, что по составу, менталитету, методам деятельности все власти слишком похожи друг на друга>¹³⁾.

Второе обстоятельство, накладывающее свой отпечаток на российскую посткоммунистическую политику, связано со ставшими достоянием общественности и дополнительно раскрывшимися в ходе острого политического противостояния президента и парламента фактами коррупции на всех этапах

12) Об этом хорошо сказал один из наиболее интересных российских политических деятелей, представитель нового политического поколения Г.Явлинский: << Реформы в России традиционно инициировались и осуществлялись центральной властью посредством жесткой аппаратно-чиновничьей вертикали... К осени 1992 г. <<реформаторство сверху>> практически исчерпало себя, возможности его продолжения сузились до предела. В этом смысле завершается серьезной неудачей целая эпоха реформаторства>> (Г.Явлинский. "Нижегородский пролог", Московские новости, 13 сентября 1992 г.).

13) Л. Шевцова. "Ловушки российской политики", Московские новости, 25 июля 1993 г.

властно-иерархической пирамиды. Это и позволило говорить о сращивании <аппарата> и <мафии> и появлении <аппаратной мафии> (выражение Л.Тимофеева), опять-таки характерной для политических режимов некоторых стран <третьего мира>. Остаётся неизвестным, в какой степени взаимные обвинения в коррупции были использованы как оружие в обострении противостояния двух ветвей власти в России, а в какой — явились одним из его мотивов.

В любом случае, обмен <разоблачениями> лишь усугубил ту тенденцию в российском общественном мнении, которая обозначилась уже вскоре после августовского путча 1991 г. Речь идёт о росте своего рода политической усталости, заметном снижении интереса к политике, веры в политические возможности, доверия к политическим лидерам и институтам, в том числе и тем, которые ещё недавно воспринимались как <отцыоснователи> новой российской демократии и её легальные <бастионы>. Особого внимания заслуживает то, что происходит дискредитация не только политики как таковой, но и демократии как ценности и идеала и новых демократических институтов и процедур. Ещё совсем, казалось бы, недавно законно избранная власть стала восприниматься как <чужая> даже теми, кто поддерживал её и голосовал за неё.

В итоге, социально-экономические интересы и группы, а также представляющие их политические силы, оказываются во многом размытыми, а их интересы далеко не всегда чётко оформленными и сформулированными, особенно в политической области.

III. основные <группы интересов> в посткоммунистической России

1. Предпосылки формирования <групп интересов>

Сколько-нибудь развитая и относительно стабильная система политических сил и организаций возникает и складывается, как правило, для выражения и репрезентации различных общественных интересов. Её структура, в конечном счёте, должна так или иначе соответствовать основным <группам интересов>, существующим в данном обществе.

Многие из действующих сегодня в России <групп интересов> образовались

на основе существовавших в бывшем советском истеблишменте лоббистских формирований. Последние отражали, в конечном счёте, либо институциональные интересы армии, КГБ, отдельных сегментов партаппарата КПСС, тех или иных отраслей промышленности, либо потребности и устремления региональных элит. Такие неформальные, но тесно спаянные образования действовали <изнутри> жестко централизованной, единой бюрократической системы, влияя на подготовку и принятие хозяйственных, политических и кадровых решений.

Расхождения их интересов и возникавшие на этой почве конфликты, подчас весьма острые, имели все же тактический характер. <политико-бюрократическая парадигма>¹⁴⁾, характерная для бывшего СССР, основывалась до конца 80-х годов на едином понимании советской элитой стратегических целей системы и общей заинтересованности в её сохранении, глубокий системный кризис, поразивший бывший СССР и возникшие на его месте новые независимые государства, смена политического режима и частичная трансформация элиты, ослабление централизованного контроля, а также начавшиеся рыночные реформы – все это стимулировало образование в России многочисленных <групп интересов> и столкновение их друг с другом.

Эти группы охватывают сегодня не только те или иные сегменты элиты, но включают в себя также и многочисленные незлитарные слои, пронизывают по вертикали различные социальные страты. Предпосылкой их формирования явился распад на соперничающие группировки единой в прошлом элиты, а также сложные процессы её эрозии, вытеснения и замены её отдельных сегментов.

Происшедший в результате событий августа 1991 г. распад номенклатурного <стержня>, на котором держалась вся советская элитная система, привёл к ликвидации её <верхушки>, её общей дезорганизации, но не уничтожил полностью. С этого момента начался сложный и длительный процесс, включающий такие противоречивые моменты, как: (а) институциональное вытеснение некоторых старых элитных групп; (б) возникновение ряда новых элитных групп (прежде всего представительной ветви власти в центре и на местах); (в)

---

14) Данный термин используется здесь в том его понимании, которое было разработано Г. Аллисоном, М. Гальпереным, И. Валентой.: G. Allison, M. Halperin. "Bureaucratic Politics": A Paradigm and Some Policy Implications. In: *Theory and Policy in International Relations*, Ed. R. Ulman and R. Tanter (Princeton University Press, 1972); I. Valenta. *Soviet Invasion in Czechoslovakia, 1968* (The Johns Hopkins University Press, 1979).

персональные перемещения в старых и новых властных структурах; (г) дезорганизацию традиционных связей между различными элитными группами; (д) перераспределение властных полномочий между различными элитами (в том числе в Центре и на местах) ; и др. Новая посткоммунистическая российская элита находится лишь в начале процесса её зарождения, её более или менее чёткие контуры и механизмы координации ещё не сложились.

Говоря об формировании новых элитных групп в посткоммунистической России, важно в то же время подчеркнуть, что в определении их общественного лица весьма существенную роль сыграли и элементы преемственности. Эта преемственность проявила себя двояким образом: как в виде включения в новую элиту значительных фрагментов старой элиты, так и в виде заимствования у старой элиты её ценностных установок, привычек, традиций, манер и обычаев¹⁵⁾. Заимствованный многими новыми элитными группами традиционный конформный облик, а в ещё большей степени многочисленные факты их склонности к коррупции (причём, вплоть до самых верхних её эшелонов) — все это не могло не влиять на их начавшуюся дискредитацию в общественном мнении.

Следует добавить, что уже к середине 1992 г. обозначились признаки существенных сдвигов в перераспределении властных полномочий между элитными группами в Центре и на местах, в различных российских регионах. По мере того, как властный вакуум в Центре становился все более очевидным, а новые элитные группы продолжали дискредитировать и себя, и сами новые демократические институты, региональные элиты стали приобретать все большую независимость и влияние¹⁶⁾.

В результате возник целый спектр напряженностей и противоречий между интересами различных групп. Консенсус относительно стратегических целей сменился расхождениями, часто диаметрально противоположными, по ключевым проблемам дальнейшего развития общества. Нарастающий экономический кризис обострил борьбу за контроль над природными и промышленными ресурсами, над механизмом и процессом выделения государственных кредитов, льгот, субсидий. Рыночные преобразования привели к дополнительным столкновениям из-за

15) О. Мясников. "Смена правящих элит: <<консолидация>> или <<вечная схватка>>", *Полис*, 1993, No. 1.

16) <<К лету 1992 г. можно было уверенно говорить о начале перемещения центра реальной власти на региональный уровень>> (С. Павленко. "Центр - Регионы. Кто кого?", *Международная жизнь*, 1993, апрель, стр. 91).

раздела в прошлом государственной собственности. Вооруженный конфликт в сентябре-октябре 1993 г. в Москве, свидетельствуют, что в ряде случаев эти разногласия уже не поддаются разрешению политическими, несилевыми методами.

Ослабление всеохватывающей бюрократической системы и, одновременно, невозможность в её рамках разрешить некоторые споры и противоречия заставили возникающие группировки искать новые, небюрократические инструменты реализации своих интересов, создавать каналы влияния на общественное сознание и механизмы массовой мобилизации, характерные для демократических систем. Последние, однако, не заменили, а скорее дополнили сохранившиеся от советского прошлого инструменты политического влияния через каналы и структуры, образующиеся и действующие в недрах бюрократического аппарата.

Содержание и направленность политических интересов различных социальных групп в современной России определяется во многом их местом в экономической системе и результатами экономического развития. Последние оказались весьма тяжёлыми.

Глубокий кризис поразил машиностроительные отрасли, в том числе военно-промышленный комплекс. На них особенно тяжело сказывается разрыв хозяйственных связей, сокращение государственных заказов, взаимные неплатежи предпраслей, сокращение спроса и т.д. Значительная часть предприятий этих отраслей не может существовать без крупных государственных дотаций и субсидий. На этом фоне возрастает роль топливно-энергетического комплекса и добывающих отраслей, которые дают основную долю валютных поступлений за счёт экспорта нефти, газа и других видов сырьёвых ресурсов. Однако спад происходиет и в этих отраслях, которые не могут обойтись без крупных государственных инвестиций, необходимых для замены устаревшего или выходящего из строя оборудования, содержания инфраструктуры и т.д.

В итоге возникла тяжелейшая дилемма. Сочетание спада производства с сохраняющимися государственными дотациями и кредитами промышленности, которые составили в 1993 г. свыше 40% всех государственных расходов¹⁷⁾, вызвали инфляцию, достигающую 20-30% в месяц. Это в свою очередь, приводит к свертыванию инвестиционного процесса и к дальнейшей деградации экономики. Однако жесткая антиинфляционная политика, прежде всего сокращение

17) Аргументы и факты, 1993, No. 42, стр. 3.

государственных субсидий и кредитной эмиссии, чревата дальнейшим спадом производства, массовой безработицей и падением спроса.

При этом подлинно рыночные механизмы, основанные на конкуренции, пока практически не затронули сферу производства. Одна из причин этого — чрезвычайно высокий уровень монополизированности экономики. Производственная структура в бывшем СССР, согласно западным критериям, была монополизирована на 3/4. Влияние этого сказывается и сегодня. Около одной трети продукции в России выпускается заводами-монополистами. Рыночный сектор сформировался главным образом в сфере услуг, импортно экспортных, торговых и финансовых операций. Главный источник его существования — распределение и перераспределение валютных доходов от экспорта.

Перечисленные обстоятельства не могли не наложить свой отпечаток на характер и особенности тех основных <групп интересов>, которые заявили о себе в посткоммунистической России.

2. Экономические группы интересов

В этой ситуации в России образовались три мощные <<группы интересов>>, каждая из которых в той или иной степени связана с определенным сегментом экономической системы.

Первая включает в себя слои и группы занятые в рыночном секторе и существующие главным образом за счет торгово-финансовых операций. Она охватывает лиц самого разного социального статуса — от руководителей крупнейших российских коммерческих банков до нескольких миллионов уличных торговцев. Несмотря на колоссальный разрыв в уровне доходов и образе жизни, они имеют некоторые общие, сплачивающие их интересы: максимальная либерализация экономики, полная включенность России в мировую экономическую систему, минимизация роли государства, децентрализованное распределение ресурсов форсированная приватизация промышленности, позволяющая торгово-финансовому капиталу внедриться в производящие, прежде всего добывающие отрасли.

Основную угрозу для себя они видят не только в реставрации коммунистической системы, но и в возникновении сильного государства, способного создать эффективные фискальные и таможенные системы, пресечь незаконную утечку капиталов за рубеж и т.д. Во многих отношениях эта группа

является основной массовой социальной базой <<пост-октябрьского>> ельцинского режима и поддерживает <<радикал-демократические>> политические группировки.

Вторая мощная <<группа интересов>> связана с топливно-энергетическим комплексом, добычей сырья, а также теми отраслями и предприятиями, которые имеют значимый экспортный потенциал. С одной стороны она выступает за либерализацию в распоряжении предприятий-экспортеров максимальной доли экспортной выручки. В этом отношении ее интересы совпадают с интересами первой группы. Однако потребность в государственных инвестициях заставляет эти слои ориентироваться на сохранение значимой роли государства в экономике и централизованное распределение основной части ресурсов.

Кроме того, лидеры этой группы с большой настороженностью относятся к иностранным капиталовложениям в добывающие отрасли, видят в этом известную угрозу своему особому положению в российской экономике. Наконец, они выступают за такой вариант приватизации, который позволил бы нынешним руководителям предприятий и объединений получить контрольные пакеты акций и фактически превратиться из менеджеров в собственников.

Третья <<группа интересов>> формируется в тех отраслях и секторах экономики (машиностроение, военное производство), которые оказались в 90-е гг. в наиболее тяжелом положении. Она ориентируется на государственную поддержку, заказы, субсидии, льготные кредиты и т.д. Именно поэтому эта группа объективно заинтересована в сохранении сильного государства с определяющей ролью в экономике, выступает за централизованное распределение средств, государственный контроль над ценами и потоками материальных ресурсов.

Кроме того, неконкурентоспособность большей части производимой такого рода предприятиями продукции создает заинтересованность в протекционистских мерах, а, следовательно, в ограничении и регулировании внешней торговли. Военно-промышленный комплекс, составляющий сердцевину этой <<группы интересов>> и столкнувшийся с трудностями конверсии и сопротивлением Запада его попыткам освоить новые, нетрадиционные для России рынки оружия не может не ориентироваться на сохранение известного уровня противостояния с внешним миром. Таким образом, интересы этой группы практически по всем позициям противоположны интересам первой.

3. бюрократические <<группы интересов>>

Следующие две <<группы интересов>>, оказывающие сильное воздействие на российскую политику и уже упомянутые нами выше, — <<центральная бюрократия>> и региональные элиты. И та, и другая заинтересованы в бюрократическом регулировании экономики, контроле над использованием природных ресурсов, импортно-экспортными операциями, перемещением капиталов. Это не означает, строго говоря, возврата к тотальному государственному управлению экономикой, характерному для коммунистического режима, в том числе устранение негосударственных экономических субъектов. Скорее, предполагается бюрократический контроль над ними с помощью разрешительно-запретительной практики широкого распространения разного рода лицензирования и квотирования.

Расхождение интересов центральной и региональных бюрократических элит порождается стремлением каждой из них сосредоточить максимум такого рода полномочий в своих собственных руках и, следовательно, ориентацией либо на централизованное государственное распределение ресурсов, либо на децентрализованное, в котором основную роль играют региональные власти.

Существует и иной источник противоречий между центральной и региональными бюрократическими элитами. В условиях политической нестабильности и острой борьбы за власть в Москве, региональные власти стремятся дистанцироваться от нее с тем, чтобы перемены в расстановке сил на центральной политической арене в минимальной степени сказывались на положении дел и балансе сил в регионах. Вместе с тем, политическое противоборство в центре создает возможность для региональных элит играть на противоречиях между различными группировками федеральной власти, ослабляет способность последних навязывать свою волю регионам. Отклонения от этой тенденции связаны, как правило, со столкновениями различных группировок на региональном уровне, в ходе которых те иные из них апеллируют к Центру для устранения своих соперников.

4. Армия как <<группа интересов>>

Наконец, весьма влиятельной <<группой интересов>> является офицерский и генеральский корпус армии и спецслужб. Жизненные интересы вооруженных сил

сосредотачиваются вокруг двух основных моментов. Первое -- преодоление экономического кризиса с сохранением основных высокотехнологических производств, без которых невозможно оснащение армии современным оружием. Второе — поддержание заинтересованности высших государственных органов в наличии эффективных, достаточно мощных вооруженных сил.

В высказываниях высшего военного руководства сегодняшней России просматривается идея тождественности интересов государства и армии¹⁸⁾. В служившей в России обстановке институциональные интересы вооруженных сил имеют как политическую, так и экономическую составляющие. Первая — предполагает предотвращения распада Российской Федерации, <<суверенизации>> ее регионов, сохранение достаточно сильных центральных структур, обеспечение социальной стабильности, прекращение или введение в правовые рамки политического противоборства.

Вторая — нацелена на восстановление государственного регулирования в сфере военного производства, увеличение закупок военной техники и содержания армии, проведение целого комплекса других мер по преодолению кризисных явлений в военной области. Но и это требует соответствующего политического обеспечения: проведения активной, в том числе силовой политики в <<ближнем зарубежье>> и ориентации на сдерживание — в том числе ядерное — внешней военной угрозы.

Последняя нашла свое отражение в утвержденной в ноябре 1993 г. военной доктрине РФ. <<Цель политики РФ в области ядерного оружия, — утверждает в этом документе, — устранение опасности ядерной войны и применения ядерного оружия путем сдерживания от развязывания агрессии против РФ и ее союзников>>¹⁹⁾. Таким образом, постулируется наличие внешней ядерной угрозы, которая и подлежит сдерживанию. Это означает, по сути дела, что, по мнению военных, крушение коммунизма не устранило конфронтации (по крайней мере, потенциальной) между Россией и другими ядерными державами, между Россией и

---

18) Весьма показательны в этом плане высказывание министра обороны РФ П.Грачева: <<Если мы хотим быть сильным государством, хотим, чтобы нас уважали и с нами считались, мы должны понять, что армия нужна не только генералам. Уже есть примеры, когда иные государства, почувствовав, что мы как бы начинаем сдавать свои военные позиции, с нами совсем по-другому разговаривают. Военный престиж страны — категория не только политическая, но и экономическая, и нравственная>> (Известия, 1 июня 1992 г.).

19) Сегодня, 4 ноября 1993 г.

Западом.

Политическое влияние российской армии обусловлено во многом обострением конфликтов противоречий между различными <<группами интересов>> и отражающими их позиции организованными силами. Военные фактически сыграли роль арбита в определении исхода противостояния президента и парламента. Вместе с тем, усиление их влияния вызвало озабоченность определенной части бюрократической и политической элиты, сгруппировавшейся вокруг Б. Ельцина после устранения Верховного Совета в октябре 1993 г.

Предложенная выше классификация свидетельствует, что упрощенные деления <<групп интересов>> и, соответственно, политических сил в России на <<демократов>> и <<партократов>>, <<сторонников>> и <<противников реформ>> и т.п. не адекватны действительности. Важнейшие общественные противоречия, вызваны, в конечном итоге, не вопросом о возвращении к коммунистической системе или движении к демократическому обществу западного типа, но порождаются совершенно другими проблемами.

Это такие проблемы, как, например, характер и масштабы участия государства в регулировании экономики, соотношение роли федеральных и региональных структур в таком регулировании, <<открытость>> экономики или же ориентация на протекционистские меры, отношение к Западу как к источнику потенциальной угрозы, или же как к источнику материальной и политической поддержки и др. Фактически речь идет о том, в чьих конкретных интересах будут проводиться экономические, социальные и политические реформы, какие конкретные элитные группировки получат контроль над экономическими ресурсами и бюрократическими структурами, как общественное богатство будет распределено между теми или иными социальными слоями и группами.

Выделенные выше ведущие <<группы интересов>> в тенденции представляют собой основу складывающейся в России новой системы политических сил. Однако ее формирование находится пока лишь в начальной фазе. Это вызвано, прежде всего, двумя факторами.

Во-первых, указанные группы далеко не в полной мере осознали взаимосвязь между своими социальными и экономическими интересами, с одной стороны, и теми или иными политическими ориентациями — с другой. Они не до конца и не в полной мере сформулировали свои политические установки в виде более или менее цельных систем взглядов и концепций. Во-вторых, значительная часть их них по-прежнему ориентируется, в конечном счете, на привычные методы и

средства лоббирования в высших бюрократических эшелонах исполнительной власти, а не на упрочение своих позиций в выборных представительных органах.

IV. Основные политические силы в России

1. Критерии классификации политических сил и их соотношение с группами интересов

Такие традиционные и продолжающие работать в западном общественном и интеллектуальном контексте политические самоидентификации, как <<либералы>> и <<консерваторы>>, <<левые>> и <<правые>> и др., сегодня вряд ли могут служить путеводителем в современной российской политике. Если отвлечься от политической конъюнктуры, и прежде всего от вопроса о том поддерживают или нет те или иные партии, движения и организации президента Б.Ельцина или его оппонентов — Д. Рущого, Р.Хасбулатова, Верховный Совет в целом, то можно выделить следующие новые для сегодняшней России критерии классификации политических сил:

— отношение к <<шокотерапии>>, т.е. либо поддержка жестких антиинфляционных мер, сокращения государственных субсидий и инвестиций, форсированной приватизации, либо, наоборот ориентация на государственную поддержку ключевых отраслей экономики, независимо от их способности в данный момент эффективно вписаться в число рыночные механизмы;

— отношение к Западу либо как к источнику угрозы, независимо от политического строя России, либо как к источнику экономической помощи и ресурсов. Идеологизированным выражением этого отношения являются концепции либо подчёркивающие цивилизационное своеобразие России, её глубокое историко-культурное отличие от Запада, либо отстаивающие тезис о необходимости <<вхождения в сообщество цивилизованных наций>>, под которыми понимаются страны с западной культурой;

— ориентация на унитарное или федеративное государство. Сегодня это один из наиболее острых и болезненных вопросов для российских политических сил. В большинстве своем общенациональные (или претендующие на этот статус) партии и организации явно или в скрытой форме поддерживают унитарную

модель. Вместе с тем, стремление заручиться поддержкой региональных элит заставляет их крайне сдержанно формулировать такие установки в своих программных документах. В свою очередь, региональные элиты и выражающие их точки зрения политические организации, как правило, выступают за передачу максимальной доли властных полномочий региональным органам власти;

- ориентация на авторитарный президентский режим или на парламентскую республику. Одним из парадоксальных следствий нынешней политической борьбы в России является то, что оппозиционные силы, выступающие против курса Б.Ельцина и <<радикал-демократов>> и черпающие свои установки из традиционных русских политических теорий, предполагающих авторитарно-патерналистскую модель, отстаивают, тем не менее, создание парламентской республики. В тоже время <<радикально-демократические>> круги, сгруппировавшиеся вокруг Б.Ельцина и считающие себя сторонниками западной или <<общечивилизационной>> демократической модели, добиваются установления в России просвещенного авторитарного режима.

Конечно, эти критерии классификации политических сил посткоммунистической России уже сейчас могут быть дополнены, а с течением времени и появлением новых проблем они могут подвергнуться изменениям. Вместе с тем, сегодня они по крайней мере позволяют установить некоторые параллели между теми или иными политическими силами и различными <<группами интересов>>.

Так, политические партии и организации <<радикально демократического>> направления, по сути дела, отражают и выражают интересы тех групп, которые связаны с рыночным сектором экономики. Установки <<ценеристов>> во многом соответствуют потребностям социальных слоев, занятых в топливно-энергетическом комплексе и, частично, в машиностроительных отраслях. <<Непримиримая оппозиция>> могла бы претендовать на выражение институциональных интересов армии, военно-промышленного комплекса, тех отраслей промышленности, по которым тяжелее всего ударил экономический кризис и которые в максимальной мере нуждаются в государственной поддержке. Однако армейское руководство и директорский корпус этой части промышленности не хочет или не может открыто ассоциировать себя с оппозиционными кругами и чаще ориентируется на достижение своих целей, апеллируя к президенту, <<центристским>> фигурам в правительстве и высших бюрократических структурах страны. Наконец, их отпугивает сильное влияние в

<<непримиримой оппозиции>> экстремистских и фунда менталистско-коммунистических сил.

2. Структурные особенности политических сил

Распад коммунистического режима сопровождался в России фрагментаризацией политической жизни, одним из проявлений которой стало образование большого числа различных политических партий, движений и организаций²⁰. В подавляющем большинстве случаев они представляют собой сравнительно небольшие группы, сложившиеся либо вокруг одного или крупны лидеров, либо вокруг той или иной фракции в парламенте или структурах исполнительной власти.

Так, в первой половине 1993г. средняя численность 35 наиболее заметных общенациональных политических партий и орканизаций, подсчитанная по данным, представленным руководством соответствующих партий, составляла около 35тыс. человек²¹. При этом всего лишь 12 из ние имели численность более 10 тыс. человек и охватывали 90-95% людей, считающих себя членом той или иной политической партии или организации.

(Заметим в скобках, что по оценкам экспертов, однако, три наиболее крупных партии коммунистической и лево-социалистической направленности — Коммунистическая партия РФ, Российская коммунистическая рабочая партия и Социалистическая партия трудящихся, имеющие объявленную численность соответственно 500 тысяч, 150 тысяч и 100 тысяч членов, что составляет в совокупности более половины всех зарегистрированных членов российских политических партий, состоят, по сути дела, из одних и тех же людей. Сторонники коммунистической ориентации, особенно в провинции, в подавляющем большинстве считают себя просто коммунистами, но не склонны придавать значение тому членом какой именно из компартий они являются).

Видимо, лишь эти указанные выше 10-12 крупных общенациональных политических партий могут претендовать на выполнение посреднических функций между обществом и государством, на структурирование и выражение тех или иных

---

20) Так, к марту 1993 г. в РФ было зарегистрировано около 100 политических партий и организаций и еще несколько сот оставались незарегистрированными (100 партийных лидеров России, Москва, РАУ-Корпорация, 1993 г., стр 95-96).

21) Подсчитано по: 100 партийных лидеров России, стр. 79-84.

общественных интересов. Лишь они являются, да и то не в полной мере, в традиционном смысле слова <<сословными>> или <<идеологическими>> партиями, либо отражающими определенные социальные (<<сословные>> классовые корпоративные и иные) интересы либо объединяющими людей придерживающихся сходного мировоззрения.

Остальные 23 партии из этого списка имеют среднюю численность около 2,3 тысяч человек. В большинстве своем эти организации выполняют функции внепарламентской или внеинституциональной поддержки лидеров или группировок, действующих в государственных институтах, в политической, экономической или интеллектуальной элитах, финансовых кругах, призваны легитимизировать их претензии. Выступая от имени партии, политический лидер обретает больший вес в глазах общественности как бы мала или незначительна эта партия ни было сама по себе.

Как правило, они не соответствуют классическим политологическим представлениям о признаках и характере политических партий. Их значимость определяется не столько численностью и представительством в выборных органах, сколько местом лидеров в бюрократических структурах или их влиянием на процесс принятия решений, распределение государством материальных ресурсов посредством личных связей. В этих условиях привычные критерии силы той или иной политической партии не отражают зачастую её реального влияния. Так, например, Коммунистическая партия РФ, насчитывающая около полумиллиона членов и имевшая многочисленную парламентскую фракцию в бывшем Верховном Совете и серьёзное представительство в региональных советах всех уровней (до разгона представительных органов в октябре 1993 г.), а также самую разветвленную сеть местных организаций, находится, тем не менее, на периферии политической жизни России, не оказывает воздействия на процесс принятия реальных государственных решений.

Несмотря на такую фрагментаризацию политической жизни, реальная политическая активность в современной России канализирована в русле трех основных и относительно устойчивых течений, характеризующихся общим мировоззрением и идеологическими установками. Наиболее распространенная классификация политических сил современной России выделяет три большие группы, которые получили названия <<демократов>> (или <<радикал-демократов>>), <<центристов>> и непримиримой оппозиции. Такая <<трехполюсная>> структура политических сил фактически сложилась к лету

1992 г. и отражает два основных момента — отношение к президенту Б. Ельцину и к конкретному содержанию социально-экономической политики направленности общественных преобразований.

3. Демократическое движение

«Демократическое» (иногда его называют «радикально- демократическим» или «радикал-демократическим») течение в российской политике ориентируется на твердую поддержку президента Б.Ельцина, подталкивает его к решительной и бескомпромиссной борьбе с оппонентами, добивается создания т. наз. «президентской партии», призванной воспроизвести в определенной степени практику КПСС как правящей партии, льдадающей монополией на власть.

Важную роль в этом течении играет группа лиц, входящих в ближайшее окружение президента и занимающая влиятельные посты в правительстве. К ним относятся Е. Гайдар, Д. Чубайс, С. Филатов, В. Шумейко, Д. Козырев, Б. Федоров, М. Полторанин и др. Идеальным лидером этой группировки многие эксперты считают бывшего госсекретаря РФ Г. Бурбулиса. Эта группировка сумела внедрить своих сторонников на ряд важных постов в государственном аппарате, она контролирует ряд общенациональных газет и, что самое главное, основные каналы телевидения, а также имеет широкие связи в интеллектуальной элите, представители которой зачастую используются для оказания влияния на Б.Ельцина.

Главной опорой этого течения, находящийся вне бюрократического аппарата являются три политические организации — (а) движение «Демократическая Россия» (б) Российское движение демократических реформ и (в) Народно-патриотическая партия. К нему тесно примыкает также группа мелких политических партий, входящих в блок «Новая Россия»²². Последний не имеет реального политического влияния, но его лидеры весьма активны в средствах массовой информации, на различных конгрессах, съездах и

---

22) Блок «Новая Россия» был образован весной 1992 г. Народной партией России (лидер - Т. Гдлян), Российской социально-либеральной партией (лидеры - А. Гонов и В. Болдырев), Христианско-демократическим союзом России (лидер - А. Огородников), Российской социально-либеральной партией (лидер - В. Филлин), Социально-либеральным объединением РФ (лидеры - В. Фалько и Д. Гуревич), объединением «Ассамблея» (лидер - В. Соловник), Российской буржуазно-демократической партией (лидер - Е. Бутов) и Крестьянской партией России (лидер - Ю. Черниченко).

конференциях. Ближайшим окружением Бельцина они часто используются для того, чтобы продемонстрировать широту политической базы власти.

Наиболее крупная и влиятельная организация, входящая в это течение — движение <<Демократическая Россия>>. Оно было образовано в октябре 1990 г. как коалиция большого числа партий, движений, групп (допускается также инди-видуальное членство), выступающих против КПСС. Это движение стало основной опорой Б.Ельцина и обеспечило ему массовую поддержку на президентских выборах в июне 1991 г.

После разгрома КПСС <<Демократическая Россия>> пережила ряд расколов: осенью 1991 г. из нее вышли т.наз. <<демо-патриотические>> организации²³, весной 1992 г. — несколько партий и групп социал-демократической направленности и т.д. Такие расколы были по-своему закономерными и неизбежными. Дело в том, что борьба против КПСС объединила движения с весьма различной социально-политической программой — от левых социал-демократов до право-либеральных организаций. После устранения главного противника — КПСС — эти расхождения начали играть доминирующую роль и привели к серьезному сужению в прошлом широкой коалиции.

Вместе с тем, это создало возможность для выработки относительно последовательной политической и социально-экономической программы, направленной на форсированный переход к рынку и установление в стране сильной президентской власти. В начале 1993 г. численность <<Демократической России>> насчитывала 150-200 тысяч человек, она имеет организации почти во всех регионах и городских центрах России²⁴.

Народно-патриотическая партия (НПП) была создана летом 1992 г на основе массовой неполитической организации — Союза ветеранов Афганистана. В начале 1993 г. она насчитывала около 30 тыс. человек. Во главе ее стоит начальник Главного правового управления администрации президента РФ генерал

23) К ним относятся Демократическая партия России (лидер — Н. Травкин), Российское христианско-демократическое движение (лидер — В. Аксютин) и Конституционно — демократическая партия (лидер — М. Астафьев).

24) Наиболее крупные коллективные члены <<Демократической России>> — Республиканская партия РФ (лидеры — В. Шостаковский и В. Лысенко), Российская христианско-демократическая партия, движение защитников Белого Дома <<Живое Кольцо>>, движение <<Военные за демократию>> и др. Сопредседатели <<Демократической России>> — Г. Старовойтова, Г. Якунин, Л. Пономарев, Г. Томчин (Известия, 14 октября 1993 г.).

А.Котенков.

Политический смысл создания этой партии состоял в том, что к лету 1992 г. ближайшему окружению Б.Ельцина стало ясно, что открыто прозападный курс первого правительства Е.Гайдара и <<Демократической России>> вызывает раздражение в широких социальных слоях и сокращает тем самым массовую базу режима. Для нейтрализации этого, с одной стороны в официальной пропаганде стали широко использоваться некоторые патриотические лозунги (идея возрождения России, установления сильной государственной власти и т.п.), а с другой — была создана партия, способная привлечь к президенту часть активных носителей патриотических установок. Кроме того, использование в качестве ее основы организаций ветеранов афганской войны могло предоставить в распоряжение президентских структур несколько тысяч хорошо организованных людей, имеющих военный опыт.

Российское движение демократических реформ (РДЛР) образовано в феврале 1992 г. Его роль в политической жизни России обусловлена прежде всего влиянием лидеров — бывшего мэра Москвы Г.Попова и нынешнего мэра Санкт-Петербурга А.Собчака. Организация имеет широкие контакты в административном интеллекте — туалных и деловых кругах этих двух важнейших российских городов, хорошо отлаженные связи в средствах массовой информации.

Помимо этих организаций, важное место в <<радикально-демократической>> части политического спектра России занимают исследовательский и аналитические центры, в задачу которых входит разработка тех или иных аспектов стратегии и тактики политической борьбы, экономических преобразований действий на международной арене а также массовой пропаганды²⁵⁾. Эти центры и институты тесно связанные, с одной стороны, с отдельными подразделениями администрации президента РФ, а с другой — со средствами массовой информации, позволили мобилизовать серьезный интеллектуальный потенциал и в известной мере противопоставить собственные информационно-аналитические разработки рекомендациям, поступавшим из Министерства безопасности РФ и ряда академических институтов, которые скорее были склонны поддерживать

25) Наиболее известные организации такого рода — центр <<Стратегия>>, возглавляемый Г. Бурбулисом после его ухода из президентского аппарата, Центр либерально-консервативной политики во главе с А. Мурашевым, бывший начальником Управления внутренних дел Москвы, социологическая служба "Vox populi", организованная членом Президентского совета проф. Б. Грушиным и др.

центриские группы и организации. В свою очередь это дает возможность во многом определять не только конкретные пропагандистские установки важнейших средств массовой информации и воздействовать не только на массовое сознание, но и на высшее политическое и хозяйственное руководство страны.

В экономической области <<радикально-демократическое>> течение в российской политике выступает за последовательное и форсированное осуществление <<шоковой терапии>>. Последняя предполагает: быструю приватизацию промышленности, введение частной собственности на землю, широкую либерализацию экономики, в том числе внешней торговли, жесткие антиинфляционные меры, массированное привлечение иностранного капитала и внешней помощи. Иностранцы инвестиции и доходы от экспорта сырья рассматриваются как главное средство преодоления экономического кризиса.

Это в свою очередь сопряжено с внедрением в России некоторых элементов западной политической культуры с тем, чтобы обеспечить <<приобщение к цивилизованному миру>>, а также с отказом от традиционных представлений о российских геополитических интересах и национальной безопасности. Так, часто утверждается, что главный источник угрозы для пост-коммунистической России — внутренняя нестабильность, которой могут воспользоваться реакционные круги (под этим обычно имеют в виду некоммунистические и национально-патриотические группы) для свержения режима и установления вновь тоталитарной диктатуры.

Во внутривластной области <<радикал-демократы>> добиваются радикальной политической реформы, сводящейся к кардинальному ослаблению представительных органов власти и установлению фактически авторитарного президентского режима. Последнее нельзя объяснить лишь персональной борьбой за власть или институциональными противоречиями между исполнительными и законодательными институтами. По-видимому речь идет о том что рыночные экономические реформы в духе <<шоковой терапии>> невозможно осуществить в условиях демократического режима. Требуются жесткие, доступные лишь авторитарной власти меры для того, чтобы сломить неизбежное сопротивление таким преобразованиям со стороны достаточно широких социальных слоев²¹.

26) В этой связи весьма показательным является уже упоминавшееся нами выше заявление одного из идеологов <<нового авторитаризма>>, члена президентского совета А. Миграняна: <<...Правительству придется прибегнуть к жестким мерам, с тем чтобы бороться с инфляцией, что неминуемо обернется ростом массовой безработицы и

4. <<Непримиримая оппозиция>>

Следующее важное политическое течение в современной России — т. наз. <<непримиримая оппозиция>>. В нее входят три основные группы политических партий и организаций — (1) некоммунистические, (2) <<демопатриотические>>, а также (3) полу-фашистского и фашистского типа. Их объединяют категорическое неприятие Б. Ельцина и <<радикал-демократических>> деятелей из его окружения, представления о том, что Запад и прежде всего США является имманентным геополитическим противником России, приложившим немало усилий, чтобы руками <<радикал-демократов>> разрушить Советский Союз, а также установка на восстановление в той или иной форме единого унитарного государства на всей или почти всей территории бывшего СССР.

(1) Некоммунистические партии

Самой массовой и наиболее влиятельной частью <<непримиримой оппозиции>> являются две некоммунистические партии — Российская коммунистическая рабочая партия (РКРП), возглавляемая А. Макашовым, В. Анпиловым и В. Тюлькиным, а также Коммунистическая партия РФ (КП РФ) во главе с Г. Зюгановым²⁷⁾.

РКРП была образована в ноябре 1991 г. и насчитывает, по утверждению ее руководителей, около 150 тыс. членов. Она представляет собой идейную наследницу т. наз. <<Большевистской платформы>>, возникшей в бывшей КПСС в начале 1990 г. в качестве фундаменталистско-коммунистической оппозиции М. Горбачеву и сконцентрировавшимся вокруг него реформистским деятелям

усилением социальной напряженности. Отсутствие Верховного Совета, экстремистских партий и движений, способных использовать массовые недовольства против президента и правительства, возникшие новые возможности усиления контроля над основными средствами массовой информации... создают президенту и правительству предпочтительные возможности для более безболезненного снятия роста социального напряжения>> (Независимая газета, 4 ноября 1993 г.).

27) Помимо этих партий в России зарегистрировано еще четыре небольших компартии: Союз коммунистов (лидер — А. Кричков), Российская партия коммунистов (лидер — А. Пригарин), Всесоюзная коммунистическая партия большевиков (лидер — Н. Андреева) и Союз коммунистических партий — КПСС (лидер — О. Шенин). Реального влияния в обществе эти партии не имеют.

социал-демократического толка. После разгрома КПСС в августе 1991 г. воинствующая, догматически настроенная часть ее организовалась в виде РКРП. Последняя является, по сути дела, единственной в России сколько нибудь заметной политической силой, выступающей за реставрацию СССР и коммунистического режима в их наиболее жесткой, сталинистской или полусталинистской форме.

С РКРП тесно связано образованное в конце 1991 г. движение <<Трудовая Россия>> (лидер — В. Анпилов), представляющее собой коалицию РКРП с несколькими мелкими организациями национал-патриотического толка. Формально <<Трудовая Россия>> не является движением коммунистической направленности. Оно было создано для того, чтобы обеспечить возможность совместных или коалиционных действий с националистическими движениями в том числе резко отрицательно относящимися к коммунистической идеологии.

По сути дела <<военным крылом>> РКРП является созданный в декабре 1991 г. <<Союз офицеров>> (численность не сообщалась), действующий главным образом в офицерском корпусе Московского военного округа. Его руководитель — подполковник С. Терехов — являлся одним из пяти сопредседателей Координационного совета <<Трудовой России>>.

РКРП, <<Трудовая Россия>> и <<Союз офицеров>> в 1992–92 гг. явились организаторами многих экстремистских антиправительственных акций и манифестаций, приняли активное участие в октябрьских событиях 1993 г. Именно их действия — захват здания московской мэрии и попытка штурма телестудии <<Останкино>> создали предлог для вооруженного подавления сторонников Верховного Совета. В результате эти организации были запрещены, а их лидеры А.Макашов, В.Анпилов и С.Терехов арестованы.

Коммунистическая партия РФ считает себя преемником и продолжателем Коммунистической партии РСФСР, созданной летом 1990 г. Тогда в условиях разгорающегося политического противоборства в стране руководители большинства региональных организаций компартии, действующих на территории РФ, стали склоняться к созданию новой структуры, противостоящей либерально-реформистскому, ориентирующемуся на М.Горбачева руководству КПСС. Указами Б.Ельцина, подписанными в августе и ноябре 1991 г. деятельность КП РСФСР была приостановлена, а ее организационные структуры распущены. В декабре 1992 г. Конституционный суд России разрешил восстановление этой партии. В феврале 1993 г. она была воссоздана под новым названием —

Компартия Российской Федерации. К этому моменту свое членство в ней подтвердили около 500 тыс. человек.

Ведущую роль в КП РФ играет группа деятелей во главе с Г. Зюгановым и В. Купцовым, которые еще в 1990 г. пришли к выводу, что ни традиционная коммунистическая идеология, ни ее реформированный в социал-демократическом духе вариант не способны обрести массовую поддержку в стране. Они попытались преодолеть идеологический кризис коммунистического движения, взяв за основу сочетание присущей социалистическому мышлению концепции социальной справедливости с, по сути дела, некоторыми монархическими взглядами, разработанными в России еще во второй половине XIX века — сильная государственность, народность, патриотизм.

В эту схему включаются также мотивы из <<евразийских>> теорий, возникших в начале XX в. в кругах русской антибольшевистской эмиграции и провозгласивших существование <<особой евразийско-русской культуры и особого ее субъекта как симфонической личности>>²⁸. Эти концепции рассматриваются как идеологическая основа, позволяющая создать прочную коалицию реформируемых в националистическом духе коммунистических сил с антикоммунистическими силами национально-патриотической ориентации.

Первая попытка такого рода была предпринята через полгода после создания Компартии РСФСР. В феврале 1991 г. по инициативе Г.Зюганова и И.Полозкова (бывший первый секретарь ЦК КП РСФСР) была проведена конференция <<За великую единую Россию>>, в которой участвовали более 40 общественно-политических организации самой различной направленности — от монархистов до коммунистов. На этой конференции был создан существующий до сих пор Координационный Совет Народно-патриотических сил России, главной установкой которого является <<объединение всех российских национал-патриотических сил во имя борьбы за сохранение российской государственности независимо от идеологической и политической принадлежности>>. Основные лозунги этой организации — народ, справедливость, государственность, патриотизм.

КП РФ выступает за <<социально-ориентированную рыночную экономику>>, под которой имеется в виду реализация разработанной в 1990 г. схемы <<двухурвневой>> или <<двухсекторной>> экономической системы.

28) Евразийство, Опыт систематического изложения (Париж, 1926 г.), с. 33.

Предполагается, что в рыночный сектор попадет главным образом сфера услуг и, частично, производство потребительских товаров. Ключевые же отрасли промышленности должны оставаться под государственным контролем или в государственной собственности.

Политическая стратегия КП РФ ориентирована на парламентские методы прихода к власти. В связи с этим она выступает против сильной президентской власти, поддерживала Верховный Совет в его противоборстве с президентом Б.Ельциным. Вместе с тем, КП РФ отвергает присущие РКРП экстремистские формы противоборства, считая, что они могут лишь дать властям повод для силового подавления оппозиции. Помимо этих разногласий, КП РФ и РКРП расходятся по вопросу о восстановлении СССР. Последняя ставит эту задачу в практическую повестку дня КП РФ, в свою очередь, рассматривает воссоздание единого государства на территории бывшего Советского Союза как перспективную долгосрочную цель, для достижения которой пока не сложились необходимые условия.

Таким образом, коммунистическое движение в России распалось на два основных крыла. Одно — выступает за реставрацию коммунистической системы, другое, значительно более массовое, постепенно трансформируется в весьма своеобразное течение, сочетающее в своей идеологии элементы социалистической концепции со взглядами, уходящими своими корнями в русскую монархическую традицию.

(2) <<Демо-патриоты>>

Следующий компонент <<непримиримой оппозиции>> - т. наз. <<демо-патриотические>> организации. К наиболее известным из них относятся Конституционно-демократическая партия — Партия народной свободы (КДП-ПНС) во главе с М. Астафьевым, Российское христианско демократическое движение (РХЛД), возглавляемое В. Аксюцием, и Российский общенародный союз (РОС), лидерами которого являются С. Бабурин и Н. Павлов.

Первые две партии возникли как жестко антикоммунистические и антисоциалистические организации, выступающие за государственное, духовное, нравственное и экономическое возрождение России на основе традиционно присущих российской цивилизации ценностей. Их взгляды и установки во многом вытекают из русской консервативной философии конца XIX — начала XX веков, отвер-

гавшей западную политическую и концептуальную парадигму, пытающуюся абсолютизировать российскую цивилизационную модель.

Эти партии также стремятся к установлению контактов с Русской православной церковью, чтобы получить ее поддержку и стать своего рода инструментом достижения ее политических целей. (Правда, руководство Русской православной церкви крайне осторожно относится к участию в политической борьбе, стремится утвердить себя в качестве нейтральной общенациональной силы, способной в случае необходимости выполнить миротворческие функции).

Начав свою деятельность как силы откровенно антикоммунистической ориентации, РХДД и КДП-ПНС логикой политической борьбы были вынуждены вступить в союзнические отношения с коммунистическими движениями как в бывшем парламенте, так и вне его, участвовать в общих коалиционных организациях ит.д.

В свою очередь, Российский общенародный союз (РОС), образованный в октябре 1991 г., формировался как организация близкая, по своим социально-экономическим установкам лево-социалистическим концепциям. Однако главное место в его программных документах занимает восстановление в России <<сильного>> государства или. Под этим обычно понимается создание такой централизованной государственной системы, которая способна эффективно мобилизывать внутренние ресурсы, контролировать деятельность экономических субъектов, добиваться претворения в жизнь собственных решений, пресекать центробежные и сепаратистские тенденции. В этом его политическая программа совпадает с идеями, разрабатываемыми РХДД и КДП-ПНС.

Типичные для <<демо-патриотических>> движений установки и лозунги РОС в политической сфере сводятся к следующим: <<национальное примирение>>, решительное противодействие попыткам установления диктаторского режима, сохранение территориальной целостности и государственного единства страны, пересмотр односторонней ориентации на Запад в области межгосударственных отношений.

Идеологи <<демо-патриотического>> движения пытаются сочетать идею <<сильной>> государственной власти с сохранением демократического режима, в котором ключевую роль играют парламент и другие представительные органы. Фактически речь идет о создании парламентской республики и унитарного государственного устройства России. Трудно сказать, насколько органично поддержку парламентской демократии вытекает из политической философии

<<демо-патриотов>>. Вполне возможно, что это — результат политической конъюнктуры, попыток противопоставить сильную парламентскую структуру президенту Бельцину и его окружению.

В экономической области <<демо-патриоты>> выступают за переход от плановой к рыночной экономике, однако считают, что этот процесс должен быть управляемым и относительно медленным. Кроме того, они подчеркивают необходимость поддержки со стороны государства ключевых отраслей промышленности, выступают против массивного привлечения в страну иностранного капитала.

(3) <<Русские фашистские движения>>

Наконец, третий компонент <<непримиримой оппозиции>> — движения национально-шовинистического и фашистского толка. Это сравнительно малочисленные и пока относительно маловлиятельные в обществе организации. Их воздействие на политическую обстановку заведомо преувеличивается проправительственными средствами массовой информации, стремящимися приписать фашистские (иногда — <<коммуно-фашистские>>) взгляды всем оппозиционным формированиям.

Это политическое течение возникло в зародыше в середине 60-х гг. в литературной среде, получило название <<неославянофилов>> и сформировалось как некая <<проруская>> альтернатива диссидентским движениям, ориентирующимся на западные, либеральные ценности и идеи. В середине 80-х гг. оно вышло за литературно-интеллектуальные рамки. Появились первые организации — базирующееся в Москве общество <<Память>>, а в Ленинграде — общество <<Отечество>>. В начале 90-х гг. от этих организаций отделились Русская национально-республиканская партия (лидер — Н. Лысенко), Русское национальное единство (лидер — А. Баркашев), Русская партия национального возрождения (лидер — А. Иванов), а также несколько десятков мелких и мельчайших групп, объединяющихся, как правило, вокруг газетных редакций и издательств.

Идеологическая основа этих движений — сочетание русской <<черносотенной>> доктрины с нацистской теорией. Она построена на антикоммунизме и антисемитизме, представлении о русской нации как жертве <<большевистско-иудейского>> геноцида, попытке соединить в единое целое православие,

монархизм, <<евразийство>>, расовую и геополитическую концепции. Отличительной чертой этих движений является создание собственных военизированных формирований. Наиболее известные из них и насчитывающие несколько сот человек — боевые отряды <<баркашовцев>> (<<Русское национальное единство>>) и <<Русский легион>> сформированный Русской национально-республиканской партией.

Таким образом <<непримиримая оппозиция>> состоит из весьма разнородных по своей политической природе и направленности движений, что существенно ограничивает ее возможности в противостоянии властям. В 1992-93 гг. неоднократно предпринимались попытки создать объединенные структуры, включающие в себя на равных правах все оппозиционные режиму Б. Ельцина организации. Наиболее масштабная структура такого рода — Фронт национального спасения (ФНС), учрежденный в октябре 1992 г. и запрещенный в октябре 1993 г., после победы Б.Ельцина в противоборстве с Верховным Советом. В него действительно вошли все сколько-нибудь значимые оппозиционные движения — от коммунистов до <<баркашовцев>>. Однако, создание этой организации не позволило преодолеть разногласия между основными оппозиционными течениями. К концу лета 1993 г., ФНС вступил в состояние глубокого кризиса. С одной стороны, из него вышли А. Баркашев и В. Аксютин, не желавшие далее оставаться в одной организации с коммунистами, с другой — от Фронта стали дистанцироваться такие деятели, как лидер Русского национального собора А.Стерлигов, смущенный жестко антиправительственными установками этой организации.

Это, однако, не единственный источник слабости <<непримиримой оппозиции>>. Не меньшую, а может быть и большую роль играет ее неспособность выработать конкретную, более или менее конструктивную экономическую программу, не ассоциирующуюся с угрозой реставрации коммунистического режима.

5. Центристские движения и партии

Наконец, третий основной блок политических сил современной России — т. наз. <<центристские>> группировки. Этим термином в сегодняшнем российском политическом лексиконе обычно обозначаются те партии и движения, которые пытаются дистанцироваться от полярных полюсов политического спектра,

занимают в нем своего рода промежуточное положение.

Основной структурой, объединяющей центристские силы, является созданный летом 1992 г. <<Гражданский союз>>. Он был образован тремя политическими партиями: Союзом <<Обновление>> (лидер - А. Владиславлев), Народной партией <<Свободная Россия>> (лидеры - А. Руцкой, В. Липицкий) и Демократической (лидер - Н. Травкин), а также парламентской фракцией бывшего Верховного Совета РФ <<Смена - новая политика>>.

В свою очередь Союз <<Обновление>> был создан в мае 1992 г. как политическая партия <<парламентского типа>>. Этот типично российский политический термин означает, что партия не претендует на непосредственное выполнение государственных функций и стремится прийти к власти через парламентские структуры. Фактически эта организация представляет собой политическую надстройку руководимого А.Вольским Российского союза промышленников и предпринимателей. Последний был образован в 1990 г. (тогда он назывался Научно-промышленный союз СССР) как структура, призванная решить две задачи. Во-первых, выявить и сформулировать комплекс экономических и политических интересов, присущих руководителям крупных промышленных предприятий в период перехода от плановой экономики к рыночной, отстаивать эти интересы в бюрократических органах. Во-вторых, эта организация была предназначена для осуществления некоторых координирующих функций во время отмирания государственных плановых и управляющих инстанций.

В последние месяцы пребывания М. Горбачева у власти Научно-промышленный союз фактически выполнял роль своеобразного <<теневое правительство>>. После распада СССР он был преобразован в Российский союз предпринимателей и промышленников, объединивший директоров большинства крупных промышленных предприятий, в том числе практически всех руководителей военно-промышленного комплекса. Некоторые комментаторы и аналитики называют эту организацию <<директорской партией>>.

Народная партия <<Свободная Россия>> (НП <<СР>>) была создана в августе 1991 г. Ее ядром стала парламентская фракция Верховного Совета РФ <<Коммунисты за демократию>>, образованная А. Руцким в марте 1991 г. Бывший в то время членом ЦК КП РСФСР А.Руцкой выступил против консервативного руководства российской компартии и сумел расколоть мощную парламентскую группировку депутатов-коммунистов. Это, в свою очередь, резко изменило сложившуюся в этот момент неблагоприятную для Б.Ельцина ситуацию в

российском парламенте и не только позволило ему сохранить пост Председателя Верховного Совета, но и добиться решения о президентских выборах, на которых он и одержал победу. Численность НП <<СР>> достигает, по оценкам руководства партии 125, тыс. человек. Ее социальная база — гуманитарная и техническая интеллигенция, работники бюрократического аппарата, предприниматели, а также квалифицированные рабочие.

Демократическая партия России (лидер — Н. Травкин) была создана в мае 1990 г. и явилась одной из первых альтернативных КПСС политических партий демократической направленности. Основная часть ее социальной базы — предприниматели, региональное чиновничество, руководители мелких и средних промышленных предприятий. Численность в начале 1993 г. составляла 30–40 тыс. человек. Эта партия — типичный пример политической группировки, возникшей вокруг яркого и динамичного лидера популистского типа.

К центристским (или лево-центристским) партиям можно отнести и Аграрную партию России, созданную в феврале 1993 г. Это — типичная <<сословная>> партия, отражающая интересы сельскохозяйственной <<номенклатуры>>, а также части сельского населения, работающего в колхозах. Ее программные установки в основном ограничены экономическими и аграрными проблемами. Руководящее ядро партии — члены бывшей парламентской фракции Аграрный союз выделившейся в свое время из коммунистической фракции, но сохранившей с ней довольно тесные связи.

К центристским относятся также несколько не взвоявших в <<Гражданский Союз>> сравнительно небольших и не имеющих серьезного влияния партий социалистического и социал-демократического толка. Наиболее известная из них — Социалистическая партия трудящихся (лидер — Л. Вартазарова), объединяющая часть членов бывшей КПСС и в 1992–93 гг. изменявшая свою ориентацию от реформистско-коммунистической до лево-социалистической²⁹⁾.

Основные программные установки <<центристских партий>> более или менее

---

29) Руководители СПП утверждали, что в начале 1993 г. численность их партии составляла около 100 тысяч человек. Это, однако, могло быть справедливо до того момента, пока СПП не размежевалась с КП РФ в первой половине 1993 г. Большая часть членов СПП осталась с коммунистами. Эксперты полагают, что после раскола коммунистов и социалистов численность СПП не превышает 10 тысяч человек. Это подтверждается и тем, что в октябре 1993 г. СПП, действуя в коалиции с несколькими организациями <<умеренно-патриотического>> типа, не смогла собрать 100 тыс. подписей, необходимых для участия в парламентских выборах.

одинаковы для них всех. Они считают себя находящимися в <<конструктивной оппозиции>> к президенту Б.Ельцину. Это означает, что <<центристы>> не требуют его отставки и готовы к сотрудничеству с ним, но настаивают на серьезной корректировке социально-экономической стратегии, прежде всего — отказе от <<шоковой терапии>>. В документах этих партий говорится о необходимости <<эффективной социально ориентированной регулируемой рыночной экономики>>. Запад ими также не рассматривается как источник угрозы.

Вместе с тем, внешняя помощь и иностранные инвестиции, по мнению <<центристов>>, не могут сыграть значительной роли в преодолении экономического кризиса. Выход из него, считают они, требует прежде всего мобилизации внутренних ресурсов. Этим обусловлен их постоянный интерес к возможности использования российской политической культуры и традиционных ценностей российской государственности, например, политико-идеологических стимулов, обеспечивающих территориальную интеграцию и мобилизацию экономических ресурсов, ориентацию экономики и политики на самообеспечение и т.д.

Предпринимаемые ими попытки разработки собственно экономической программы так или иначе исходят из ограниченности доступных внутренних ресурсов, а потому ставка делается на сочетание максимального расширения экспорта с централизованным государственным финансированием ключевых отраслей и даже отдельных предприятий. Предполагается решить три основные задачи: стабилизировать работу экспортных отраслей, сохранить имеющийся потенциал высокотехнологичных производств и создать таким образом основу для будущего экономического подъема.

Эта концепция получила название <<точечной поддержки экономики>> или <<селективной структурной политики>>. В правительстве такие взгляды разделяют В.Черномырдин, Ю.Шафраник, О.Лобов, а также занимавшие в прошлом видные посты в администрации президента Ю.Петров и Ю.Скоков.

6. Радикально-популистские партии

Вне приведенной классификации находится еще несколько партий, суть политических позиций которых — в сочетании великодержавных, шовинистических лозунгов с чисто популистской риторикой. Наиболее известная из них — Либерально-демократическая партия России (лидер — В. Жириновский). Фактически, это группа, ориентирующаяся на яркую, харизматическую

политическую фигуру, успешно играющую на накопившихся отрицательных эмоциях населения, страдающего от резкого ухудшения экономического положения, разочарованного развалом СССР, утратой страной роли великой державы, чувстве национальной ущемленности русского населения.

Главное программное требование ЛДПР -- восстановление единого российского унитарного государства в границах бывшего СССР, жесткая позиция по отношению к внешнему миру. Специфика политической позиции ВЖириновского уже и в неучастии в политических блоках и коалициях, попытках заигрывания с Б.Ельциным. Он также тщательно отмежевывается от других оппозиционных политических сил и организаций и пытается играть собственную роль в российской политической жизни.

7. Октябрьский переворот и его влияние на основные политические силы

Октябрьский переворот и последовавшие за ним попытки фактического установления в России авторитарного режима во многом изменили <<правила политической игры>> в стране, но не устранили, да и не могут устранить ни основные <<группы интересов>>, ни ведущие политические силы. По существу, эти события, хотя и поставили некоторые политические силы вне закона, привели усложнению политической жизни и политического спектра России, главным образом в результате начавшегося разложения в прошлом единого президентского лагеря изменения роли армии, оттеснения на периферию политической жизни мелких партий и движений и др.

Сами по себе октябрьские события стали результатом не только личной борьбы за власть и нарастания противоречий между законодательной и исполнительной властями. В их основе лежала острое столкновение мощных группировок по важнейшим вопросам экономической стратегии.

Летом 1993 г. стало ясно, что проводившаяся на протяжении повледних двух лет экономическая политика зашла в тупик. Ее результатом стало сочетание глубокого спада производства (национальный доход произведенный в 1992 г., составил примерно 67% от уровня 1990 г., а долгосрочные инвестиции - 51%) с галопирующей инфляцией. При этом не произошло серьезных структурных улучшений. Более того, усиливалась примитивизация экономики, прежде всего возрастание в ней роли добывающих отраслей. Возникшая ситуация все более жестко требовала либо рыночной <<санации>> экономики, т.е. закрытия нерентабельных,

неэффективных предприятий (со всеми вытекающими отсюда социально-политическими последствиями), либо кардинального усиления регулирующей роли государства.

Расстановка политических сил свелась к тому, что к началу осени 1993 г. сторонники <<шоковой терапии>> заняли ключевые посты в администрации президента, хотя и не имели решающего большинства в правительстве, тогда как Верховный Совет, руководство парламента и вице-президент стали фактически лидерами тех групп, которые требовали усиления государственного регулирования экономики. При этом наиболее острые и непримиримые противоречия возникли не столько между Б.Ельциным и его окружением, с одной стороны, и <<непримиримой оппозицией>> — с другой, сколько между президентом и его бывшими соратниками — А. Руцким, Р. Хасбулатовым, центристскими группировками в парламенте и в политической элите.

Это объясняется тем, что именно последние имели реальные шансы получить поддержку силовых ведомств и региональных элит и прийти таким образом к власти. Несмотря на полное неприятие ельцинского режима, <<непримиримая оппозиция>>, по сути дела, не представляет для него серьезной угрозы, ибо ее шансы стать во главе страны минимальны. Видимо, поэтому после разгрома парламента Б.Ельцин не прекратил деятельность Компартии РФ, <<демопатриотических партий>>, Национально-республиканской партии и ряда других оппозиционных движений.

Устранение Верховного Совета и неизбежное ослабление роли будущего парламента, запрещение экстремистских оппозиционных организаций не устранили социально-экономических причин и предпосылок политического кризиса. Однако расстановка сил, формы и механизмы политической борьбы существенно изменились. Резко возросла роль <<центральной бюрократии>>, устранившей соперников в лице парламентских структур и утвердившей себя как главную распределительную силу в экономике. Ликвидация парламента привела также к уничтожению легитимного механизма политической репрезентации региональных элит.

В этих условиях противоборство различных группировок во все возрастающей степени концентрируется в бюрократических структурах и в правительственных кругах. Имеются свидетельства того, что правительство распалось на ряд противостоящих друг другу группировок (одну из них ассоциируют с В. Черномырдиным, Ю. Шафраником, В. Завиржхой, другую — с Е. Гайдаром, Б. Федоровым, В.Шумейко). Вышли на поверхность противоречия между премьер-министром, с

одной стороны, и руководством администрации президента — с другой.

Прошедшие после переворота время показало, что разложение <<президентского лагеря>>, ранее спаянного общим неприятием парламента, Р.Хасбулатова и А.Руцкого, не ограничивается противоборством в высших эшелонах бюрократической системы. Фактически этот лагерь распался на три основных течения, каждое из которых образовало собственную предвыборную структуру.

<<Радикал-демократическая>> группировка организовалась в виде избирательного блока <<Выбор России>>. Ей противостоит склоняющийся к центристским позициям блок Явлинского-Болдырева-Лукина, объединивший вокруг себя сторонников более умеренного, осторожного осуществления структурных реформ. Наконец, обозначилась политическая роль и влияние новой Партии российского единства и согласия (ПРЕС), возглавляемой вице-премьерами С.Шахраем и А. Шохиним, которая претендует на представительство на федеральном уровне интересов и позиций региональных элит. Ее позиции по важнейшим социально-экономическим проблемам скорее приближаются к центристским установкам, чем к концепциям радикально-демократических кругов.

В тенденции разногласия в окружении президента Б. Ельцина и в правительстве способны парализовать деятельность исполнительной власти не в меньшей мере, чем прошлое противостояние с парламентом. Однако Б. Ельцин получил и возможность использовать эти противоречия, играть на них ради укрепления своей личной власти как высшего арбитра. Правда, и противостоящие режиму силы получают возможность играть на противоречиях в правительственном лагере.

Сохранили свои позиции и влияние партии центристского направления. Единственным исключением является Народная партия <<Свободная Россия>>, которая раскололась из-за отношения к А. Руцкому, бывшему ее лидеру. Быстро теряют влияние мелкие оппозиционные группы, чья роль в политике была во многом связана с представительством в бывшем Верховном Совете. На первое место в этой части политического спектра выходят две партии — КП РФ и Аграрная партия. Фактически распались коалиционные объединения <<правой>> и <<левой>> оппозиции.

Особая проблема возникла после октябрьских событий в связи с отношениями между политической верхушкой режима и армией. Одни эксперты полагают, что после того, как армия, выступив на стороне президента, решила в его пользу

исход противоборства с парламентом, ее роль в политической жизни резко возросла и даже стала решающей. Другие считают, что в результате октябрьских событий в стране фактически возникло <<новое двоевластие>>, полосуями которого являются военное руководство и окружение Б. Ельцина. Такое двоевластие, утверждают они, может быть не менее разрушительным, чем противоборство исполнительной и законодательной властей, а его исход — еще более неопределенным. О том, что эта точка зрения имеет определенные основания, свидетельствуют как колебания, проявленные военными в решающие моменты октябрьского переворота, так и публичные заявления ряда близких к президенту лиц о необходимости чистки в <<силовых структурах>>.

И все же, как представляется, реальные взаимоотношения политической и военной элит в <<постоктябрьской>> России намного сложнее, чем эти две точки зрения. Действительно, отношения бюрократической верхушки режима и армии после октябрьских событий изменились. Армия превратилась в единственную общенациональную хорошо организованную силу, которая не находится под полным контролем бюрократической элиты и которая может представлять для нее потенциальную угрозу. Поэтому политико-бюрократическая верхушка режима не может не бояться армии. Но любые попытки усилить политической контроль на вооруженными силами, в свою очередь, не могут не вызвать их сопротивления. Это обуславливает всякого рода протисоречия и конфликты между бюрократией и генералитетом.

Важно также, что институциональные интересы армии по многим позициям противоречат установкам <<радикал-демократов>>. Армия, например, заинтересована в сохранении высокотехнологичных отраслей промышленности, которые оказались жертвами <<шокотерапии>>. Ей необходимо сохранение определенного недоверия между Россией и США и т. д. Есть, правда, и совпадающие позиции — и армия, и <<центральная>> бюрократия заинтересованы в унитарном устройстве государства.

При этом, однако, российская армия традиционно не имеет опыта и склонности к участию в политической борьбе и осуществлению власти. К тому же, в советский период КПСС жестко пресекала политические амбиции военного руководства. Сегодня у армии нет ни собственной политической и экономической программ, ни харизматического лидера, способного возглавить ее путь к власти. Поэтому единственной возможностью выхода армии на арену политической борьбы могут быть либо попытка широкомасштабной чистки

генералитета и офицерства, либо — новое обострение борьбы за власть, чреватое гражданской войной или распадом России.

В повестки дня остается и вопрос о том, каковы реальные перспективы предпринимаемых нынешней властью попыток создать в России режим авторитарного президентского правления, оправдываемый его идеологами задачами создания рынка и строительства капиталистического уклада как материальной базы для ожидаемой в будущем политической демократии. И то, и другое по крайней мере не самоочевидно. Во-первых, контуры того политического режима для новой, послеоктябрьской России, которые проступают в эскизах нынешних конституционных планировщиков, находящихся у власти, не во всем, мягко говоря, соответствуют принятым в западной политической традиции критериям демократии. Во-вторых, нет полной уверенности и в том, что классическому рыночному идеалу, утверждаемому модной теорией <<перехода>> от авторитаризма к демократии, будет соответствовать российская экономическая реальность, в значительной мере формирующаяся под знаком спекулятивно-финансового, меркантильного и корпоративного капитализма и коррумпированной <<аппаратной мафии>>.

Наконец, и сам политический режим, возникающий в России после событий октября 1993 г., мало чем походит на классический авторитаризм и прокапиталистическую диктатуру в стиле Пиночета. Конечно, авторитарный уклон имеет место, однако это в лучшем случае проявление <<расслабленного>> авторитаризма — и <<расслабленного>> не потому, что он сам себя сдерживает и ограничивает (в плане подавления <<любой>> оппозиции, развязывания массовых репрессий и т. п.), а потому что он просто слаб и во многих отношениях такой же безвластный, как и до разгона парламента.

При этом исход наступления <<нового авторитаризма>> на двух его основных направлениях — на права представительных органов и субъектов Федерации — в долгосрочном плане еще отнюдь не определился. Каким бы подконтрольным ни стремились сделать новый парламент нынешние власти, в нем при определенных условиях может проявиться и оппозиционный потенциал. В свою очередь <<преференциальная>> политика центральных властей в отношении отдельных субъектов Федерации в целях их переманивания на свою сторону в противоборстве с парламентом, не могла не вызвать на свет дополнительные сепаратистские и дезинтеграционные импульсы, которые будет непросто погасить волевым путем.

Остается вопрос и о том, возможен ли вообще эффективный авторитарный режим при отмеченной выше фрагментарности и распыленности социальных интересов и групп и при отсутствии какой-либо одной достаточно мощной и влиятельной силы, способной подчинить себе все остальные силовые центры. С одной стороны, нынешняя множественность силовых центров и разнонаправленность центростремительных тенденций воспроизводит тупиковую политическую ситуацию, а с другой — представляет собой тормоз на пути реального авторитаризма и диктатуры. Эта множественность конфликтных ситуаций и линий напряженности (между различными, пусть не до конца оформленными интересами и группами, политическими силами в Центре и регионах, внутри регионов и между ними и т. д.), значительно осложняя поиск осценациональных решений, в то же время препятствует как опасной поляризации общества, так и монополии какой-либо одной силы³⁰⁾.

В конечном счете, продолжающийся кризис центральной власти (<<наверху>>) вынуждает общество (<<внизу>>) искать самостоятельные способы решения проблем. В этом, быть может, и кроется надежда на преодоление и выход за рамки традиционной российско-советской властно-иерархической парадигмы, зарождение горизонтальных общественных связей на уровне гражданского общества и уже на этой основе создание новой системы политической власти.

---

30) <<Стать авторитарной нынешней Федеральной власти, скорее всего, не удастся, по крайней мере, в ближайшее время — нет предпосылок, нет базы. Но и перейти к устойчивой демократии в нашей стране в обозримом будущем не удастся тоже — нет укоренившейся частной собственности, нет гражданского общества, без которых и не бывает сильного и независимого парламентаризма. Скорее всего, если только на политическую сцену не выйдет <<улица>>, в России неопределенное время будет сохраняться неустойчивое промежуточное состояние которое с одинаковым основанием можно назвать и предавторитаризмом, и предпарламентаризмом>> (И. Клякин, "Тэтчер, Пиночет или Андропов?", Известия, 4 ноября 1993 г.).